

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Малининой Вероники Васильевны

«Религиозно-философская антропология М. М. Тареева», представленной

на соискание ученой степени кандидата философских наук

по специальности 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Михаил Михайлович Тареев (1867–1934) – одна из весьма примечательных фигур, работавших на стыке богословия и русской религиозной философии в первой трети XX в. Тареев уже стал предметом изучения со стороны историков философии, однако целостных и всеобъемлющих реконструкций его религиозно-философской антропологии пока, насколько можно судить, осуществлено не было. Опыт такого рода реконструкции представлен в данной диссертации; кроме того, в ней публикуется ценный архивный документ.

Считаем неоспоримыми выводы исследовательницы о близости Тареева экзистенциализму и философии жизни (ср. с. 21); действительно, в этом направлении стоило бы продолжить исследовательский поиск (сближение с теми же Дильтеем, Карлом Бартом и др.). В то же время нас шокирует утверждение Тареева о необходимости... бороться в русском богословии с греческими влияниями (ср. с. 73, ср., однако, о таких влияниях: с. 76–77, 79; 91 и сл. о св. Кирилле Александрийском (ср. с. 124); и др.). На этом же держится всё здание церковного богословия! Нам, выросшим на идеях о. Г. Флоровского о христианизации эллинизма, подобное заявление кажется, мягко говоря, непродуманным и безответственным (ср. с. 22). От автора пятитомника «Основы христианства» слышать такое, вообще говоря, странно. Надо понимать, что русские люди – это «работники одиннадцатого часа», которым было бы грех не воспользоваться зрелыми плодами эллинизма; размышления об этом содержатся, как известно, уже в «Слове о Законе и Благодати» митр. Илариона Киевского – автора, которого Тареев, как кажется, игнорирует.

И вот тут-то открывается особый интерес, вызываемый данной диссертацией: оказывается, что перед нами – глубоко противоречивая фигура (ср. с. 63–64), подобная (но только по этому критерию) мыслителям Ренессанса, которая (в русле заветов Л. М. Баткина) и должна браться в своей противоречивости и переходности как таковой. Но переходности... к чему? К строго догматическому богословию (как у прот. И. Мейендорфа) – или к фидеизму в духе Л. Шестова? Вот еще те грани смысла, к раздумью над которыми нас призывает диссертация В. В. Малининой.

Оценивая положительно данную диссертацию и проделанный в ней объем исследовательской работы, следует прежде всего указать на следующее. Считаем адекватными постановку целей и задач исследования, а также – в целом – описание системы применяемых в нем методов. Радует, что диссертантка применяет метод историко-философской реконструкции системы воззрений изучаемого автора (с. 8). Нам бы казалось, что в работе следовало бы более системно применить феноменологический подход, раз уж он декларируется (с. 9), но поскольку, на наш взгляд, Тареев к феноменологии не столь уж близок, на этом замечании не настаиваем. Пожалуй, имело бы смысл продолжить сопоставление его воззрений с бердяевскими, ведь тогда, наверное, стало бы ещё очевиднее, что Тареев работал над одной из версий персонализма (с. 63). А дерзких трактовок христианских догм и у Бердяева более чем достаточно.

Впечатление такое, что Тареев, обвиняя Соловьева в плавании по океану метафизики без руля и компаса, нередко и сам забывал, что является таким компасом, сводя религию к субъективному чувству (ср. с. 39, 69). Ведь если Тареев «настаивает на приоритете личного духовного опыта над социальными и философскими конструкциями» (с. 50), то это значит, что он *не видит* подлинного места догматов в структуре духовной жизни христианина – тогда как, напомним, «христианин любомудрствует трояко: догматами, заповедями и верой» (*S. Max. Conf. Capita de caritate*, IV, 47). Сама по себе субъективная вера *во что-то «духовное»* – это принцип протестантизма, которому профессор, по-

видимому, и следует (ср. с. 69, 119). Хотелось бы знать, согласна ли Вероника Васильевна с данным рассуждением. Современная критика этого вопроса даже не ставит (с. 51–62).

Превращать святоотеческое учение в догмат, вопреки опасениям Тареева (ср. с. 69–71), не нужно: на базе святоотеческих творений и раскрываемых в них откровений Божиих праведным людям и так формируются догматы в ходе исторической работы Церкви и формируемого ею самосознания. И здесь возникает интересный вопрос: а возможна ли в принципе *философия* церковной жизни (ср. о философии жизни на с. 84)? Описание (как у Шмелёва) – да, возможно. Но именно столь пренебрегаемый Тареевым опыт Византии позволяет ответить на наш вопрос: да. Прделанная ученым попытка интересна, но отнюдь не является ни полной, ни завершённой. Такого рода убеждение мы вынесли и из чтения работы Малининой, и оно нам кажется оправданным. Согласна ли автор диссертации с данным выводом?

И нужно ответить Тарееву: да, голос Макария Египетского и таких, как он – это голос Церкви (см. с. 70). Категорически недопустимо сводить святоотеческое учение к церковному гностицизму (с. 71, 132), ибо патристика – это не только Климент Александрийский и Евагрий Понтийский; диссертантке можно было смелее указать на это историческое заблуждение изучаемого ею автора.

Становится яснее ясного, что Тареев выступал против *аскетизма* (с. 72) – принципа жизни, системообразующее значение для Средневековья признал даже М. Фуко в «Герменевтике субъекта». Разговор об аскетизме – большой и важный, и мы бы не хотели бы вызывать на него диссертантку. Однако укажем, что именно интеллигентская неприязнь к монашеству и аскетизму – причина той неприязни, что питал Тареев к святоотеческому наследию. Но без аскетизма остаётся лишь разгул страстей – «оборотная сторона титанизма»... Хотим ли мы для нашего общества такого будущего?

Мне кажется, можно было добавить к работе хотя бы несколько предложений – небольшой абзац – об историческом и духовном значении

аскетизма для средневековой и отечественной культуры. Прошу коллег рассматривать это не как упрек, а как благочестивое пожелание автору на её дальнейшем творческом пути.

В будущем будет просто необходимо сопоставить книгу Тареева «Цель и смысл жизни» (её пространный анализ см. на с. 92–108) с аналогичными по названию («Смысл жизни») произведениями С. Л. Франка и Е. Н. Трубецкого. Как раз благодаря убедительному анализу Малининой оппонент начинает понимать, что в случае гипотетического конкурса между тремя авторами он бы голосовал не за Тареева...

Важен ставимый Тареевым акцент на связи кеносиса и воскресения Христовых (с. 110). Размышляя над этой возвышенной темой, можно спросить вместе с русским поэтом: *Впервые ль видишь искаженным лик добра // И в грязных тернах благодать?* Видимо, это сказалось и на судьбе самого русского философа после революции 1917 г. – об этом периоде его жизни Малинина не приводит никаких сведений. Очевидно, в нем было немало кенотического (ср. с. 111)...

Более чем спорны и рассуждения Тареева о том, что христианство не имеет ничего общего с решением вопросов общественного благоустройства (с. 114–115, 126, но ср. с. 118 о нравственности в целом; с. 120, п. 5). Опять же, это подход – антивизантийский, и нам представляется, что св. Юстиниан I или даже С. Н. Булгаков с исповедуемым им в молодости христианским социализмом были честнее перед Богом... Здесь бы оппонент просил автора работы хотя бы в паре слов прояснить свою позицию по данному вопросу.

В итоге автор предлагает достаточно противоречивую формулу для описания свершений своего героя на философской ниве: «Антропологическая концепция М. М. Тареева стоит на верности православной традиции и заложенному в ней субъективному методу — опытного познания через личный опыт переживания христианства» (с. 121). Субъективизм Тареева, повторимся, нам представляется идущим, скорее, от протестантской традиции, нежели от православной.

Меньше вопросов у нас возникает к другой формуле Малининой: «Мы рассматриваем антропологию М. М. Тареева как неклассическую православную антропологию» (с. 122). Здесь: *неклассическая* = *православная* + *испытывавшая инородные влияния* (в основном европейские философские – из протестантского, католического (в меньшей степени) и либерального лагерей).

Важна и красива итоговая формула философской антропологии Тареева на с. 127 (ср. с. 128), которую, несомненно, надо опубликовать в научных работах.

Поэтому в целом мы согласны с третьим тезисом заключения – о том, что философия Тареева являет собой «оригинальный синтез христианской традиции и философского поиска, предвосхитивший некоторые тенденции религиозной мысли XX в.» (с. 131). Мы надеемся, что автор и будет это раскрывать в своих дальнейших работах.

Библиография работы достаточно репрезентативна для избранной автором темы, а автореферат адекватно раскрывает высказываемые в ней положения и дает наглядное представление о масштабах научного поиска соискательницы.

В работе встречаются стилистические шероховатости, вызванные, очевидно, поспешностью в работе – например, «для сочинения по критической оценке трудов...» (с. 25), тогда как следовало бы сказать – «для сочинения, посвященного критической оценке...» На с. 71 явно имеется в виду не «Посеев», а Антонио Поссевино, известный деятель итальянской и русской истории XVI в. Говоря о теме Страстей Христовых, можно было для поддержки своих тезисов из сверхобильной библиографии сослаться хотя бы на книгу прот. А. Меня «Сын Человеческий», где анализируются интересные подробности евангельской истории (с. 89). На с. 96 в цитате из Тареева не распознана цитата из Нового Завета: «Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» (1 Петр. 3, 4). Впрочем, данные замечания не умаляют благоприятного впечатления от

осуществленного В. В. Малининой научного поиска и – в немалой степени – синтеза интеллектуально-философской биографии избранного ею героя.

Подведем итоги. Диссертация соответствует всем требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней в Уральском федеральном университете», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Можно констатировать, что диссертационное исследование В. В. Малининой являет собой целостный и законченный историко-философский труд, охватывающий различные смежные области гуманитарного знания (библейистику, систематическое и догматическое богословие, патрологию, историю литературы и общественной мысли), вполне соответствующий тем требованиям, которые предъявляются к подобного рода работам, а его автор — В. В. Малинина — достойна присуждения ей ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.9 Философия религии и религиоведение.

Официальный оппонент:

Дмитрий Игоревич Макаров

Доктор философских наук, доцент,

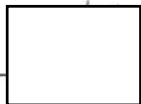
заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин

Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского

620014 РФ, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 26

+7 343 371 21 80; E-mail: mail@uralconsv.org

30 октября 2025 г.

Дмитрий Игоревич Макаров

